

УДК 808.2(035.5)

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОБРАЗ ПРОСТРАНСТВА В ПОЭЗИИ Е.И. ХАРЛАНОВА

© Надежда Геннадиевна СЕРЕБРЕННИКОВА

Тамбовский государственный технический университет, г. Тамбов,
Российская Федерация, кандидат филологических наук,
доцент кафедры русской филологии,
e-mail: nadegda_korrespondensija@mail.ru

Проанализирован художественный образ пространства в стихотворных текстах Е.И. Харланова. Актуальным является исследование творчества этого тамбовского поэта, т. к. содержательной стороне его текстов посвящено мало научных работ. Обращение к художественному образу пространства обусловлено тем, что этот образ занимает центральное место в творчестве поэта. Основным методом исследования является герменевтический метод, предполагающий процесс постижения смысла текста. Проанализированы стихотворения Е.И. Харланова, вошедшие в сборник «У придорожного камня»: «Лошадь в сумерках», «По самому краешку лета...», «На даче», «Ковер-сон». На примере анализа данных стихотворений сделан вывод о том, что пространство в поэзии Е.И. Харланова является сложным и многомерным. Способ изображения пространства многое говорит о мировоззрении автора. Без вдумчивого анализа этого понятия невозможно в полной мере разгадать сложный философский смысл харлановской поэзии. Для Е.И. Харланова окружающий мир часто предстает в виде соединения нескольких пространств, которые могут быть как обычными материальными, так и ирреальными, созданными воображением поэта. В каждом конкретном стихотворении образ пространства часто служит способом передачи основного смысла текста.

Ключевые слова: пространство; поэтическое творчество; художественный образ; стихотворный текст.

Поэзия замечательного тамбовского поэта Е.И. Харланова до сих пор недостаточно изучена. Работ, посвященных его творчеству, незаслуженно мало [1; 2, с. 45; 3–5]. Между тем сила и глубина содержания харлановских стихов удивительна, а поэтическая форма легка и невероятно сложна одновременно. В его творчестве философские размышления облечены в утонченно-изысканную форму ярких, запоминающихся поэтем.

Е.И. Харланова справедливо считают основателем поэтической школы. Так, поэт и ученый В.Г. Руделев пишет: «Для того чтобы образовалась чья-то поэтическая школа, нужно, чтобы у ее основателя или начинателя был талант – необыкновенный, огромный, всеобъемлющий, зажигающий, таинственный, словно внушенный откуда-то свыше, больше дарованный, чем приобретенный. Подобный талант обычно усиливается хорошим, разносторонним образованием и воспитанием, развитием, стремлением осмыслить Мир. Теперь уже совсем ясно, что именно таким талантом обладал Евгений Иванович Харланов (1943–1993); свой талант он осознал, гордился им и – страдал, видя свою неприкаянность и избыточность во всем

суетном круженье, понимая отдаленность своего звездного Времени...» [6, с. 7]. Наверное, действительно, «звездное время», слава поэта еще не наступили в полной мере. Е.И. Харланов принадлежит к числу тех загадочных художников слова, которые живут в другом временном измерении, нежели их читатели. Вроде бы и рядом, вроде бы в той же «провинциальной тесноте» [7, с. 7], но в то же время не здесь, а – в будущем, в каких-то иных нереальных пространствах. Может быть, только сейчас многие из нас начинают по-настоящему открывать для себя этого поэта. Кому-то его стихи даются легко, а кому-то требуется приложить немало усилий, чтобы понять изящную, естественную и неповторимую харлановскую сложность.

Особенности творческой манеры и сама личность автора не раз приковывали к себе внимание тех людей, которые лично его знали. Например, В.Г. Руделев написал стихотворение, где рассказывается о его встрече с Е.И. Харлановым за чашкой чая. Там есть такие строки о Е.И. Харланове: «Его раскатистое эхо / бурило дыры в потолках / и разливалось жарким смехом / в Кривых Пространствах и Веках» [8, с. 55]. Эту удиви-

тельную связь Е.И. Харланова с космическими пространствами, с временными искажениями, с некими загадочными лабиринтами сознания не раз подмечали его друзья и читатели. Е.Н. Писарев говорил, что, читая стихи Е.И. Харланова, чувствуешь, будто находишься «на сквозняке времен» [7, с. 7]. Не удивительно, что время и пространство, как динамичные и разнообразные художественные образы, занимают такое место в творчестве поэта. Именно они помогают создать образ главного лирического героя Е.И. Харланова. Так, В.Г. Руделев справедливо отмечает, что Е.И. Харланов мог «в простом, подчас рядовом явлении увидеть связь времен и пространств, диалектику Бытия, космическое назначение человека и все прочее, что только можно увидеть, пристально вглядываясь в то, что дано в ощущениях и осмыслениях» [6, с. 15].

В данной работе пойдет речь о художественном образе пространства, хотя пространство, как уже замечалось, в творчестве Е.И. Харланова тесно связано со временем. Однако в рамках одной статьи представляется трудным рассмотреть подробно столь сложные художественные образы. К тому же, пространство у поэта в какой-то мере объясняет и время, поэтому образ пространства у Е.И. Харланова имеет, если можно так сказать, большую объяснительную силу. Время зависит от пространства. Как справедливо отмечает И.В. Подольская, «время ему часто представлялось в пространственных образах» [1, с. 77].

Для Е.И. Харланова пространство практически всегда предстает многослойным, многомерным, неоднородным и изменчивым. Обычное пространство, наполненное материальными объектами, т. е. то, которое находится вокруг нас, соседствует с другими нереальными пространствами фантазий, воспоминаний, снов и видений. Но эти ирреальные пространства доступны восприятию поэта. Вот почему он не только видит и ощущает их, но и может перемещаться в эти фантазийные миры силою своего воображения. Для Е.И. Харланова ирреальный мир всегда рядом, и даже если сразу не обнаруживается, то затем «наплывает» на читателя, захватывая область привычного материального пространства, подчиняя его себе, в силу чего читатель уже не может подчас отличить

реальное от фантастического и признает ирреальное гораздо более значимым. Этого поразительного эффекта практически всегда добивается Е.И. Харланов, но для него это естественно, т. к. поэт видит мир иначе, чем другие.

Пространство в поэзии Е.И. Харланова всегда сложно. Даже если обычное пространство не граничит с ирреальным, то оно предстает в виде многослойной формы. Например, поэт видит, что за пространством роши есть непонятное пространство сумрака или ночи, а за ночью – пространство целого мира, космическое пространство. Человеку только кажется, что он находится в роще, а на самом деле он связан с мирами таинственными, огромными и непостижимыми и, как часть этих миров, он способен ощущать то, что ощущают другие живые существа и даже весь необъятный мир. Именно это чувство передает поэт в стихотворении «Лошадь в сумерках».

В сумраке роща увязла.
Сумрак в ушах
шелестит.
Смутно
у темного вяза
лошадь
хрустит и грустит.

Кляксою
в войлоке ночи
Лошадь почти расплылась,
только алмазные
очи
тихо сияют
сквозь нас.

Словно никто не заброшен,
словно
никто не забыт.
Мир,
как огромная лошадь,
тихо
хрустит и грустит...

(«Лошадь в сумерках») [7, с. 41-43].

Перед нами, казалось бы, обычная картина – пространство роши и лошадь, стоящая под темным вязом. Однако пространство роши находится внутри другого, тоже вполне материального пространства – сумрака. Самостоятельность и вещественность этого пространства подчеркивается глаголами «увязла» и «шелестит». Роща увязла в су-

мраке как в некоей субстанции, а шелест, посредством метонимического переноса, мыслится как принадлежащий не деревьям, а именно сумраку. Итак, за обычным пространством роши видится загадочное пространство ночи, причем ночь поглощает рошу, обволакивает ее. В этом непонятном пространстве сумрака искажаются и видятся совсем другими вещи и живые существа. Например, лошадь в этой субстанции «расплывается», словно вырастая до гигантских размеров, и представляется огромной кляксой на мягком таинственном войлоке. Но здесь присутствует не только визуальное ощущение. Чувства лошади изоморфны чувствам автора. Она не просто «хрустит», стоя под деревом, но еще и «грустит», задумавшись, словно сам поэт. А может быть, другие существа способны ощущать то же, что и человек. Просто автору дано это осознать. А может быть, лошади дано понять поэта, потому что все в мире взаимосвязано, одно переходит в другое и становится другим. Не случайно «алмазные» глаза лошади «тихо сияют сквозь нас», словно проходят сквозь человека, передавая ему свои ощущения или, наоборот, впитывая человеческие. Лошадь – как человек, как весь огромный мир, как космос. Лошадь, попадая в таинственное пространство сумрака, расплывается, растворяется в нем, и сама уже становится этим миром, впитывает в себя его «заброшенность» и «забытость», пропускает сквозь себя чувства целой Вселенной и отдельного человека – поэта, который стоит в сумраке роши.

Так осознание того, что окружающее пространство сложно и многослойно, дает поэту удивительное видение поразительного единства природы вещей, дает ему возможность ощутить себя не просто частью космоса, мира, но понять, как мыслит и чувствует этот мир.

Обычное пространство в поэзии Е.И. Харланова часто граничит с ирреальным, причем граница эта обозначается вполне четко, превращаясь в художественный образ. Такой прием использует поэт в стихотворении «По самому краешку лета...». Уже в первой строке стихотворения автор прибегает к подобной метафоре.

По самому краешку лета,
где пыль, где махорка растет,

с глазами табачного цвета
идет восхитительный кот.

Он вправо и влево шагает.
Посмотрит – а там никого.
Поэтому всюду слагает
стихи про себя самого [7, с. 67].

Оказывается, что кот не просто гуляет по пыльной тропинке, поросшей махоркой, – он идет по границе миров – реального и какого-то иного. Сразу в данном случае возникает четкая ассоциация с пушкинским сказочным котом. Однако чувства, вызываемые стихотворением Е.И. Харланова, несколько иные. И в пушкинской поэме, и в харлановском стихотворении кот принадлежит к неким поэтическим сферам и сам является поэтом. Но кот Е.И. Харланова более современен, поскольку в его «творчество» вплетаются современные мотивы – пустота («Посмотрит – а там никого») и связанный с этим определенный эгоцентризм («Поэтому всюду слагает / стихи про себя самого»). Эта необычная передача чувств современного поэта достигается за счет все того же соотношения некоего живого существа с пространством, в котором оно существует. Кот не просто идет по тропинке, а гуляет по границе обычного и ирреального миров, причем граница эта названа «краешком лета». У Е.И. Харланова лето очень часто понималось просто как время, хотя и весьма своеобразно. Например, И.В. Подольская об этом пишет: «Время дискретно, и в силу этого оно наблюдаемо, оно производно от событий, некоторые из которых стали словно частью Времени (Весна, Лето, Осень, Зима, День, Вечер, Ночь, Утро). События имеют инвариантный характер, в силу этого они повторяются на круге Времени» [1, с. 57]. Но в данном стихотворении лето – это не только время, но еще и определенное пространство, которое имеет четкую границу с непонятным, фантастическим пространством творчества, «дремучих дебрей души».

Кругами планидными ходит.
Робеешь – за ним не спешит.
Он сказкой да песней заводит
в дремучие дебри души [7, с. 67].

Благодаря умению находиться на границе нескольких пространств, кот Е.И. Харланова приобретает способность отражать в

себе весь мир – прошлый и современный, обыденный и ирреальный во всем его многообразии: «Весь мир и живой, и громадный / сияет в глазах у кота!» [7, с. 67].

Обыденное, привычное для нас пространство и ирреальное часто находятся рядом, но ирреальное пространство многомерно, оно как бы расширяется по спирали, поглощая поэта. Такова структура пространства в стихотворении «На даче».

На даче тихо... С пустоты,
висячей и стоймя стоящей,
горят высокие цветы
в истоме, страхи бередящей.

От этой праздности, от дум,
причудливых,
как сны возницы,
кто знает, что придет на ум,
какие помыслы возникнут.

Бродячий пес в цветке тряпья,
как шмель мохнатый, спит и дышит
и в жаркой дреме
чуть колышет
глухие тайны бытия.

Он едет в легком колесе
из спящего худого тела.
До страшных тайн ему нет дела,
да и его забыли все...

Он только пользуется тем,
что солнце нагревает темя,
что мир еще у легких стен
по-летнему вращает тени.

Он только вздрагивает там,
когда начнут его внезапно
окликать по именам,
уже забытым
безвозвратно...

Так, душу выманив за круг,
где связь миров неощутима,
тебя окликают вдруг,
но давнее
забыл ты имя.

(«На даче») [7, с. 15-16].

Опять, казалось бы, исходя из названия стихотворения, речь должна пойти о привычном для нас мире – даче. Но Е.И. Харланов за обычными вещами и событиями видит тени других миров, проплывающих рядом, поэтому стандартное восприятие ситуации

выражено лишь первой фразой стихотворения: «На даче тихо...». А дальше читатель сразу получает как бы иной угол зрения: «С пустоты, / висячей и стоймя стоящей, / горят высокие цветы / в истоме, страхи бередящей». Оказывается, рядом с привычным пространством сада и огорода соседствует какое-то другое, непонятное «пустое» пространство, о котором поэту дают знать цветы, причудливые живые создания, способные влиять на человека и многое рассказать тому, кто умеет читать их намеки. От осознания присутствия притаившихся рядом непостижимых миров поэту становится немного не по себе, но только немного, т. к. страхи, вызываемые таинственными цветами, скорее, приятные, они пробуждают у поэта интерес узнать, что скрывается за обыденным, привычным для нас пространством. И поэт начинает мечтать, утомленный и убаюканный лучами полуденного солнца. Он замечает спящего бродячего пса, его мысли и чувства передаются псу, поэт вместе с этим существом совершает причудливое путешествие по кругам своей памяти, цепляя при этом, как это всегда бывает во сне, причудливые обрывки различных ассоциаций. Так всплывает в воображении, на первый взгляд, непонятный «возница», который, впрочем, потом оказывается вполне логичным, т. к. поэт и пес во сне движутся, кружат по спирали, словно уснувший возница, описывающий подобные круги уже не по своей воле.

Поэт сравнивает пса со шмелем, уснувшим в цветке. Но пес не просто спит, он «в жаркой дреме / чуть колышет / глухие тайны бытия», т. е. приобщается к неким таинственным мирам. Пес и поэт вместе с ним словно уезжают во время сна за границы обыденного мира. Происходит выход из обычного пространства в ирреальное. Впрочем, автор верит в возможность подобного перемещения. Это ирреальное пространство имеет определенную структуру: оно представлено в виде расширяющихся по спирали кругов, которые постепенно поглощают, затягивают в себя поэта. Вот почему в тексте присутствует образ кольца или круга [9, с. 109]. Это выражено различными словесными формами. Сначала это лишь смутный, едва уловимый намек на движение по кругу – «сны возницы» (здесь же в нашем сознании впервые возникает ассоциация с колесом), затем пес

«едет в легком колесе из спящего худого тела», потом круги расширяются, говорится уже о целом мире, который «у легких стен по-летнему вращает тени», и в конце стихотворения сознание поэта уже уходит за пределы привычного мира вещей, его душу словно выманивают за круг, «где связь миров не ощутима».

Таким образом, ирреальное пространство, в начале стихотворения только намекающее о своем присутствии, как бы открывается, начинаясь с точки вращения – метафорического цветка, в котором засыпает пес. В состоянии дремы для пса и поэта незримое ирреальное пространство обретает очертания и звуки, «легкие стены» мира начинают вращаться, обыденное пространство поглощается ирреальным, оно, как расширяющаяся спираль, затягивает в себя поэта.

Эти удивительные метафоры передают понимание сложного мироустройства, т. к. во время сна поэт может свободно перемещаться из реального пространства в то, которое хранит информацию о прошлом, в котором он жил когда-то. Во сне поэт способен понять или вспомнить, что в других мирах у него были иные имена и обличья. И здесь образ пространства тесно связывается с образом времени, т. к. речь идет о воспоминании, о «забытых» именах. Кстати, время Е.И. Харланов также часто представлял в виде круга. Так, И.В. Подольская пишет: «Е.И. Харланов представлял себе Время... в виде круга, кольца, хоровода событий, обтекающего событие ручья...» [1, с. 56]. Попадая в это пространство-время, имеющее в поэзии, в отличие от научного представления, кольцевую структуру, поэт словно уезжает от самого себя и мысленно уже выходит за границы своего земного существования. Как справедливо замечает И.В. Подольская, перед поэтом открываются «такие пространства, такой мир, в котором он ощущает даже не себя, а свою душу...» [1, с. 73].

Очень часто в поэзии Е.И. Харланова находят рядом обыденное пространство и созданное воображением автора. Границы между ними зыбки, подвижны, миры обычный и фантастический накладываются друг на друга, являя нашему мысленному взору причудливое многообразие. Проникнуть в подобные пространства можно посредством воображения или сна. Е.И. Харланов при

этом мог в совершенстве передать данное ощущение, смутное чувство, возникающее, когда дрема наплывает на еще не совсем погрузившегося в сон человека. Это прекрасно описано в стихотворении «Ковер-сон».

Где крыльями стрекоз окошки стеклены,
тень белены.
Бледнее белены,
ручьи берут начало от луны.

И пьют из них олени со стены,
передо мной не чувствуя вины.
Глаза их смысла лунного полны,
и лунной их зрачки величины...

Через озера ватной тишины
я прохожу, не замочив штаны.
Жирафы тут до млечной вышины.

На плечи мне становятся слоны
и вовсе не сгибают мне спины,
как будто плоской легкостью больны...

Одна старушка ладит мне блины
из лунной пыли, лунной пелены.
Блины ее бесплотны и странны
и смотрятся с одной лишь стороны.

Олени тоже лунные странны –
как в гобелены затканые сны...

(«Ковер-сон») [7, с. 13-14].

Само название стихотворения говорит о том, что речь здесь пойдет о каком-то необычном пространстве. Оно не только фантастическое, но и реальное, поскольку сновидение как бы накладывается на ковер, вплетается в него, т. е. в данном случае соединяются материальное и воображаемое пространства, очертания которых расплываются, смещаются. Таким образом поэт создает новую художественную реальность.

Первые строки стихотворения сразу настраивают читателя на то, что речь пойдет о чем-то необычном, о том, что будет описываться не сама действительность, а впечатление от нее, возможно, очень субъективное. Раньше мы сравнивали творчество Е.И. Харланова с картинами художников-импрессионистов и отмечали следующее: «Как художник-импрессионист может передать свои смутные, неясные, возникающие в его воображении фантазии игрой светотени, так и поэт хотел поймать неуловимое, создавая картины «шатрово сверкающего берега дож-

дя» или ручьев, что «берут начало от луны» [10, с. 277]. Мы не случайно обратили внимание на стихотворение «Ковер-сон», т. к. первые его строки достаточно ярко иллюстрируют эту харлановскую особенность – стремиться передать субъективные мимолетные ощущения: «Где крыльями стрекоз окошки стеклены, / тень белены. / Бледнее белены, / ручьи берут начало от луны. / И пьют из них олени со стены, / передо мной не чувствуя вины. / Глаза их смысла лунного полны, / и лунной их зрачки величины...» Трудно передать подобные строки четкими словесными формами. Но этого и не нужно делать, т. к. художественная точность в описании необычного впечатления в данном случае достигается как раз за счет «размытости» и неопределенности образов. Возможно, поэт видел лунный свет, струющийся в окно, и белые лучи вызывали у него ассоциации с переливающимися ручьями и прозрачными крыльями стрекоз. Лунный свет падал на висящий на стене ковер. В воображении поэта олени, изображенные на ковре, ожили и начали пить из лунного ручья, поэтому и сами стали «лунными», а зрачки их приобрели «лунную величину». Таким образом произошло соединение реального пространства комнаты с пространством фантастическим и, как это часто бывает во сне, предметы сместились относительно друг друга, одно пространство наложилось на другое, и ковер на стене стал восприниматься как пространство комнаты или как некое волшебное пространство, в котором можно бродить, проходя «через озера ватной тишины». Но, несмотря на то, что ковер стал восприниматься как некий мир, в котором есть и «млечная вышина», и озера, и сказочные слоны и жирафы, в нем что-то осталось и от настоящего, вполне материального ковра. Там существуют свои собственные законы измерения, – пространство ковра плоское, поэтому все, что в нем существует, включая сказочных живых существ, является легким, почти невесомым: «На плечи мне становятся слоны / и вовсе не сгибают мне спины, / как будто плоской легкостью больны...». Итак, пространство ковра как бы оживает и смещается в пространство комнаты, при этом оставаясь плоским. Поэт делает шаг в пространство этого ковра и таким образом попадает в фантастический, сказочный мир. Все это происходит в полу-

дреме, когда человек и плывет по волнам своего сновидения, и не теряет связь с окружающим миром.

Поэт также продолжает вспоминать о лунных лучах, проникающих в комнату, поэтому все, о чем грезит поэт, как бы «пропитывается» луной, воспринимается в связи с ней. Так, блины, которые «ладит» старушка, созданы «из лунной пыли, лунной пелены», к тому же они еще и «смотрятся с одной лишь стороны». А олени, изображенные на ковре, прямо называются «лунными». В тот момент, когда речь вновь заходит об оленях, поэт будто просыпается и начинает осознавать, что пространство ковра – это не отдельный мир, а гобелен, что странные олени ему приснились, что они «как в гобелены затканые сны».

Так, благодаря смещению, наложению реального и фантастического пространств, автор в совершенстве сумел передать ощущение, возникающее во время сна, а передать это посредством вербального изображения довольно сложно и под силу не каждому поэту.

Образ пространства в каждом конкретном стихотворении часто служит способом передачи основного смысла текста. Благодаря этому образу, в стихотворении «Лошадь в сумерках» создается ощущение единства человека со всем окружающим миром. В стихотворении «По самому краешку лета...» автор передает способность поэта отражать в себе живой мир, вовлекать читателя в загадочные сферы творчества. Таинственные пространства, граничащие с обычным пространством дачи, дают возможность автору осознать то, что жизнь его души не исчерпывается лишь земной памятью. Посредством изображения сказочного пространства ковра передается ощущение полудремы, сна, изображаются чудесные фантазии поэта.

Способ изображения пространства многое говорит о мировоззрении автора. Без вдумчивого анализа этого понятия невозможно в полной мере разгадать сложный философский смысл харлановской поэзии, т. к. пространство является неким фоном, оттеняющим мысли и чувства поэта, дающим ему возможность запечатлеть мимолетные ощущения, показать мир во всем его многообразии.

1. *Подольская И.В.* Языковые средства создания художественного образа (на материале поэтических текстов Евгения Харланова): монография. Тамбов, 2004.
 2. *Писарев Е.* В Харланове-ученом преобдало поэтическое начало // Тамбовские хроники. 1996. № 3.
 3. *Писарев Е.* За флажками: поэт Е. Харланов в условиях «провинциальной тесноты» // Тамбовская жизнь. 2012. 7 декабря.
 4. *Никитин С.* Вселенная Е. Харланова // Наедине. 2007. 19 декабря.
 5. *Полякова Л.В., Дорожкина В.Т.* Евгений Иванович Харланов // Литературное краеведение. Тамбов, 2007.
 6. *Руделев В.Г.* Поэтическая школа Евгения Харланова // Поэтические школы Тамбова. Прецедентные феномены тамбовских писателей в современной русской литературе: сборник научных статей. Тамбов, 2008.
 7. *Харланов Е.* У придорожного камня: Стихи. Тамбов, 1993.
 8. *Руделев В.Г.* Охлебинова роща: Стихотворения и фрагменты поэм. Тамбов, 2004.
 9. *Серебренникова Н.Г.* Поэтическое творчество Е. Харланова // Язык и культура: сборник материалов 14 Международной научно-практической конференции / под общ. ред. С.С. Чернова. Новосибирск, 2014.
 10. *Серебренникова Н.Г.* «Огонь ума...» (Поэзия Е. Харланова) // Современные проблемы филологии: материалы I Международной научно-практической интернет-конференции. Тамбов, 2011.
1. *Podol'skaya I.V.* Yazykovye sredstva sozdaniya khudozhestvennogo obraza (na materiale poeticheskikh tekstov Evgeniya Kharlanova): monografiya. Tambov, 2004.
 2. *Pisarev E.* V Kharlanove-uchenom preobladalo poeticheskoe nachalo // Tambovskie khroniki. 1996. № 3.
 3. *Pisarev E.* Za flazhkami: poet E. Kharlanov v usloviyakh "provintsial'noy tesnoty" // Tambovskaya zhizn'. 2012. 7 dekabrya.
 4. *Nikitin S.* Vseennaya E. Kharlanova // Naedine. 2007. 19 dekabrya.
 5. *Polyakova L.V., Dorozhkina V.T.* Evgeniy Ivanovich Kharlanov // Literaturnoe kraevedenie. Tambov, 2007.
 6. *Rudelev V.G.* Poeticheskaya shkola Evgeniya Kharlanova // Poeticheskie shkoly Tambova. Pretsedentnye fenomeny tambovskikh pisateley v sovremennoy russkoy literature: sbornik nauchnykh statey. Tambov, 2008.
 7. *Kharlanov E.* U pridorozhnogo kamnya: Stikhi. Tambov, 1993.
 8. *Rudelev V.G.* Okhlebinova roshcha: Stikhotvoreniya i fragmenty poem. Tambov, 2004.
 9. *Serebrennikova N.G.* Poeticheskoe tvorchestvo E. Kharlanova // Yazyk i kul'tura: sbornik materialov 14 Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii / pod obshch. red. S.S. Chernova. Novosibirsk, 2014.
 10. *Serebrennikova N.G.* "Ogon' uma..." (Poeziya E. Kharlanova) // Sovremennye problemy filologii: materialy I Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy internet-konferentsii. Tambov, 2011.

Поступила в редакцию 09.12.2015 г.

UDC 808.2(035.5)

ARTISTIC IMAGE OF SPACE IN E.I. HARLANOV'S POETRY

Nadezhda Gennadievna SEREBRENNIKOVA, Tambov State Technical University, Tambov, Russian Federation, Candidate of Philology, Associate Professor of Russian Philology Department, e-mail: nadegda_korrespondensija@mail.ru

The artistic image of space in E.I. Harlanov's poetic texts is analyzed. The creativity research of this Tambov poet is relevant because very little scientific works are devoted to his text content. The reference to an artistic image of space is caused by that this image takes the central place in creativity of the poet. The basic method of research is hermeneutic method, which presupposes process of comprehension of the text sense. E.I. Harlanov's poems are analyzed including the collection of the poems "At a roadside stone": "The horse in twilight", "On the edge of summer...", "At the summer residence", "Carpet-dream". Basing on the example of these poems analysis it is concluded that the space in E.I. Harlanov's poetry is complex and multivariate. The way of space speaks image much about outlook of the author. Without the thoughtful analysis of this concept it is impossible to solve to the full complex of E.I. Harlanov's poetry philosophical sense. For E.I. Harlanov the world around appears frequently as connection of several spaces, which can be both usual material and unreal, created as imagination of the poet. In each concrete poem the image of space frequently serves in the way of the basic text sense transfer.

Key words: space; poetic creation; artistic image; poetic text.